

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор

y.v.lebedev@yandex.ru

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье раскрываются православно-христианские истоки классической русской литературы, определяющие специфику её изучения в современной школе.

Ключевые слова: духовная любовь, нравственное развитие, первоуродное повреждение, русский социализм, поэтика.

Annotation. The article reveals the Orthodox Christian roots of classical Russian literature, which determine the specifics of its study in a modern school.

Keywords: spiritual love, moral development, original damage, Russian socialism, poetics.

1

В том, что история литературы — одна из ключевых отраслей гуманитарной науки, сомнений быть не может. Но значит, и сформировать у учащихся научный взгляд на историко-литературный процесс невозможно до тех пор, пока они не овладеют азами этой науки. Как нельзя научиться читать, не зная алфавита, так же нельзя обрести верное оценочное суждение о писателе, не приобщившись к основам историко-литературных знаний. Вольное обращение с классическими произведениями литературы, ставшее в последние годы духовно-экологическим бедствием, является результатом безответственной вкусовщины, которая, увы, насаждается и в современной школе под видом творческого отношения учащихся к интерпретации художественных произведений. И давно пора поставить этой далеко не безобидной «самодетельности» надёжный заслон.

Поскольку атеизм был у нас в течение столетия официальной «религией», идеалы русских писателей стыдливо замалчивались, так как природа их была и не могла не быть христианской в сокровенном её качестве и существе. Один из героев Томаса Манна назвал русскую литературу «святой». Ни одна из литератур христианской Европы, несмотря на их неоспоримое богатство, не поднималась на такую духовную высоту, какая была взята литературой русской. Перечитывая «Войну и мир», Н.Н.Страхов говорил Толстому в 1887 году: «Если бы я теперь писал свои статьи об Вас, то написал бы иначе. <...> Если Вы давно не читали «Войны и мира», то убедительно прошу и советую Вам — перечтите внимательно это первое полное выражение стремлений Вашей души; Вы увидите, что, в сущности, они те же, что и теперь, и выражены часто с бесподобною силою и ясностью. Вы вывели на сцену целую толпу людей религиозных, Вы показали, как растёт и живёт в душе религия и какую силу она даёт людям. Несравненная книга!»¹.

Напомню замечательные её страницы. В роковую минуту смертельного ранения князь Андрей испытывает последний, страстный и мучительный порыв к жизни: «совершенно новым завистливым взглядом» он смотрит «на траву и полынь». И потом, уже на носилках, он задаётся мыслью: «Отчего мне так жалко расставаться с жизнью? Что-то было в этой жизни, чего я не понимал и не понимаю»².

В.Н.Мешков. Портрет Л.Н.Толстого. 1910

И вот теперь, узнав «в несчастном, рыдающем, обессиленном человеке» Анатоля Курагина, князь находит радостную и неожиданную способность простить его. «В чём состоит связь этого человека с моим детством, с моею жизнью?» — спрашивал он себя, не находя ответа. И вдруг новое, неожиданное воспоминание из мира детского, чистого и любовного, представилось князю Андрею. Он вспомнил Наташу такую, какую он видел её в первый раз на бале 1810 года, с тонкой шеей и тонкими руками, с готовым на восторг, испуганным, счастливым лицом, и любовь и нежность к ней, ещё живее и сильнее, чем когда-либо, проснулись в его душе. Он вспомнил теперь ту связь, которая существовала между им и этим человеком, сквозь слёзы, наполнявшие распухшие глаза, мутно смотревшим на него. Князь Андрей вспомнил всё, и восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не мог удерживаться более и заплакал нежными, любовными слезами над людьми, над собой и над их и своими заблуждениями. «Сострадание, любовь к братьям, к любящим, любовь к ненавидящим нас, любовь к врагам — да, та любовь, которую проповедовал Бог на земле, которой меня учила княжна Марья и которой я не понимал; вот отчего мне жалко было жизни, вот оно то, что ещё оставалось мне, ежели бы я был жив» (6, 267. — Курсив мой. — Ю.Л.)

В полубреду князь Андрей просит у доктора книгу. «Какую книгу?» — «Евангелие! У меня нет». «Он всё говорил о том, чтобы ему достали поскорее эту книгу и подложили бы её туда. — «И что это вам стоит! — говорил он. — У меня её нет, — достаньте, пожалуйста, подложите на минуточку», — говорил он жалким голосом» (6, 396—397).

Подчиняясь спасительному чувству духовной любви к Богу и людям, князь Андрей впервые осознаёт свою жестокость по отношению к Наташе: «Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но Божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. А сколь многих людей я ненавидел в своей жизни. Из всех людей никого больше не любил я и не ненавидел, как её». И он живо представил себе Наташу не так, как он представлял себе её прежде, с одною её прелестью, радостной для себя; но в первый раз представил себе её душу. И он понял её чувство, её страданья, стыд, раскаянье. Он теперь в первый раз понял всю жестокость своего отказа, видел жестокость своего разрыва с нею» (6, 399. — Курсив мой. — Ю.Л.).

В своих религиозно-философских трактатах поздний Толстой, вступивший на путь беспощадной полемики с официальной церковью, отрицал божественное происхождение Иисуса Христа, сомневался в бессмертии человеческой души, произвольно извлекал из четырёх Евангелий лишь заповеди Спасителя, подвергая их весьма вольной трактовке. Фактически он сам отлучил себя от церкви, а Святейший синод своим постановлением 1901 года лишь подтвердил уже состоявшийся факт.

Но Толстой-художник никогда не переставал любить жизнь высокой духовной любовью. И

когда он воспринимал мир глазами художника, влюблённого в жизнь, многие религиозные умствования отступали или подвергались невольному сомнению. Вот характерное признание его в письме к С.А.Толстой от 6 мая 1898 года: «Назад ехал через лес тургеневского Спасского вечерней зарёй: свежая зелень в лесу и под ногами, звёзды в небе, запахи цветущей ракиты, вянущего берёзового листа, звуки соловья, гул жуков, кукушка и уединение, и приятное под тобой бодрое движение лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думал, как думаю беспрестанно, о смерти. И так мне ясно было, что так же хорошо, хотя и по-другому, будет на той стороне смерти. <...> Я постарался вызвать в себе сомнение в той жизни, как бывало прежде, и не мог как прежде, но мог вызвать в себе уверенность» (19, 428).

В художественных произведениях Толстой почти всегда выходил за пределы своего «толстовства». Н.Н.Страхов писал ему 16—23 ноября 1875 года: «Вы не моралист, Вы истинный художник; но нравственное мирозерцание всегда отзывается в художественных произведениях, и я с изумлением и радостью вникаю в Ваши образы, следя за этим мирозерцанием. Может быть, я скажу Вам то, что Вы сами не осознаёте. Отвлечённые нравственные правила всегда узки и односторонни, и в Ваших созданиях выражается гораздо больше, чем кто-нибудь (даже Вы сами) можете формулировать отвлечённым языком»³.

Когда после духовного перелома Толстой обратился к религиозно-философским писаниям, он на собственном опыте пережил непреодолимый конфликт между живой (литературной) и отвлечённой (философской) мыслью. 2 марта 1891 года Софья Андреевна Толстая записала в своём дневнике: «...Лёвочка грустен, я спросила: «Почему?» Он говорит: «Не идёт писание...» — «О чём?» — «О непротивлении».

Ещё бы шло! Этот вопрос всем и ему самому оскомину набил и перевернут и обсуждён он уже со всех сторон. Ему хочется художественной работы, а приступить трудно. Там резонёрство уже не годится. Как пойдёт из него поток правдивого, художественного творчества, — он его уже не остановит, а там вдруг непротивление окажется неудобным, а остановить поток невозможно, вот и страшно его пустить, а душа тоскует!»⁴.

Не религиозно-философские трактаты Толстого, а его художественное мироощущение в своём радостном жизнелюбии сближается с христианством.

Это тонко почувствовал В.С.Соловьёв. В специальном письме, обращённом к Толстому, он убеждал, что все произведения писателя доказывают непреложную истину Воскресения Христова: «1) Вы допускаете, что наш мир прогрессивно видоизменяется, переходя от низших форм и степеней бытия к высшим или более совершенным. 2) Вы признаёте взаимодействие между внутренней, духовною жизнью и низшею, физическою, и 3) на почве этого взаимодействия вы признаёте, что совершенство духовного существа выражается в том, что его собственная духовная жизнь подчиняет себе его физическую жизнь, овладевает ею.

Исходя из этих трёх пунктов, я думаю, необходимо прийти к истине воскресения. <...> Как в мире животном мы находим некоторые зачатки или проблески разумной жизни, так в человечестве несомненно существуют зачатки того высшего совершенного состояния, в котором дух действительно, фактически овладевает материальною жизнью. Он борется с тёмными стремлениями материальной природы и покоряет их себе (а не различает только себя от них). <...> Смерть человека есть уничтожение совершенного организма, то есть целесообразной формы и орудия высшей разумной жизни. Такая победа низшего над высшим, такое обезоружение духовного начала показывает, очевидно, недостаточность его силы. Но ведь эта сила возрастает. Для человека бессмертие есть то же, что для животного — разум; смысл животного царства есть животное разумное, то есть человек. Смысл человечества есть бессмертный, то есть Христос. Как животный мир тяготеет к разуму, так человечество тяготеет к бессмертию»⁵.

2

Русская литература представляет собою уникальное явление отечественного Ренессанса, аналогичного западноевропейскому реализму эпохи Возрождения, но обладающего специфическими национальными особенностями. Человек, начиная с эпохи Возрождения, был провозглашён на Западе «мерюю всех вещей». Русская классика утверждала иное. Она ощутила тревогу за судьбы человечества на том этапе его истории, когда стали обнаруживаться катастрофические последствия такого обожествления человека. Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Тургенев и Гончаров остро почувствовали трагизм исторического развития, в зерне которого лежало самообожествление человека, основанное на антихристианской идеализации его «природы», на соблазне — «и будем как боги».

Гоголь, Гончаров, Достоевский вместе с другими русскими классиками были решительными противниками того понимания прогресса, которое утверждала радикально настроенная молодёжь. Прогресс в науке, заявляла она, состоит в постоянном расширении круга познания, в открытии новых научных данных, ставящих под сомнение, а то и вообще отрицающих знания предыдущие. То же самое происходит и в духовно-нравственной сфере. «Дети» вправе ставить под сомнение и отрицать те нравственные идеалы, те духовные ценности, которыми вдохновляются «отцы».

Русская классическая литература утверждала, напротив, что «для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик, и до самого гроба ученик»⁶, что «в нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует Евангелие, а это едва ли не труднее достижения знания»⁷. Русский писатель был убеждён, что любое жизнестроительство нужно начинать с себя, а не с окружения. Человек с убогой душой, отягощённый «первородным по-

вреждением», не в состоянии изменить жизнь к лучшему. Все его реформаторские предприятия будут обречены. Только освобождая себя, только духовно совершенствуясь, можно надеяться на благодатные внешние перемены.

Современник Пушкина преподобный Серафим Саровский говорил: «Радость моя, стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи»⁸. В свою очередь и Пушкин заявлял: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»⁹.

Именно таким заветам следовала русская классическая литература XIX века в магистральном русле своего развития. Достоевский называл православную церковь «нашим русским социализмом»: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!»¹⁰.

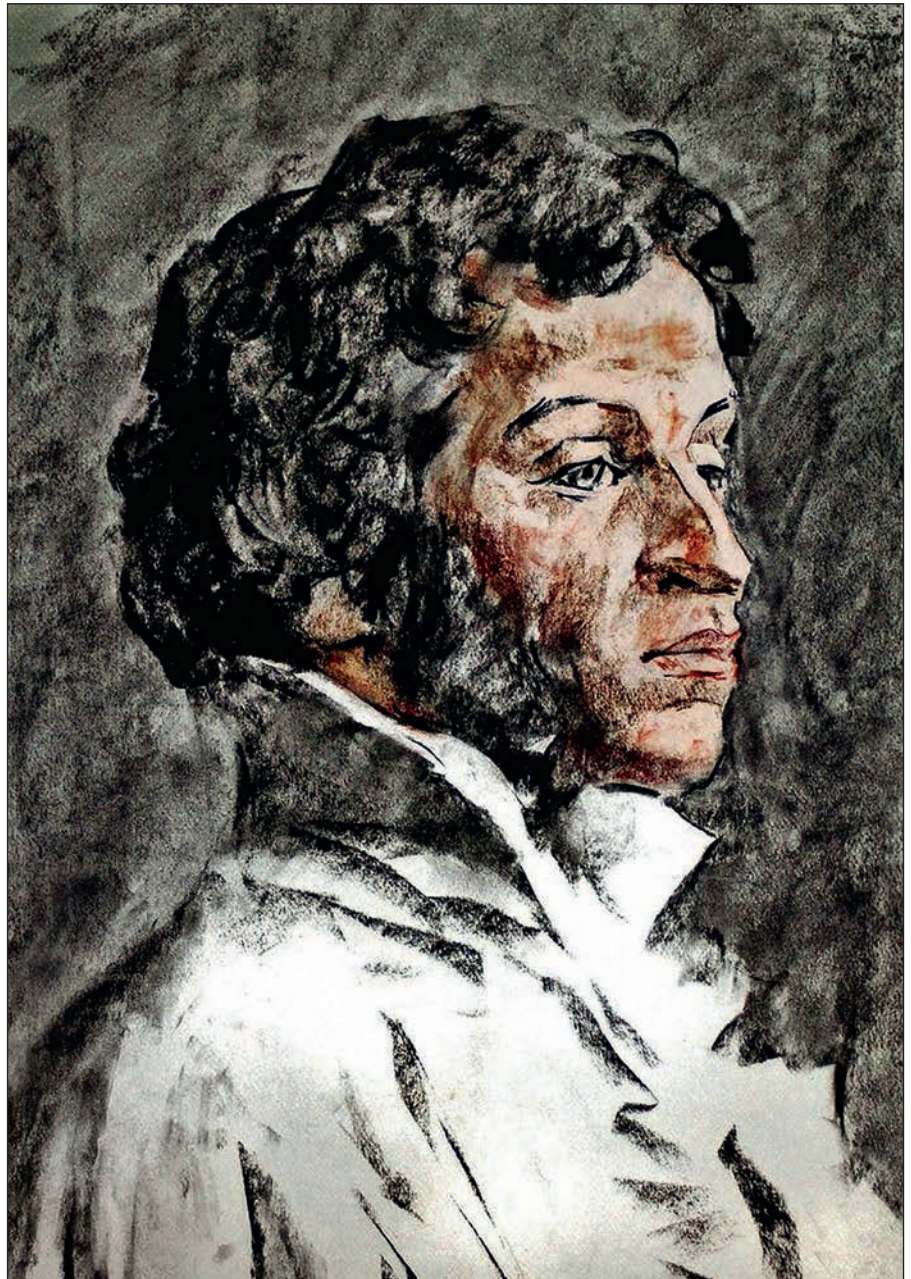
3

Тема «Христианство и литература» стала в последние годы одной из признанных и ведущих в отечественном литературоведении. Однако не всегда учитывается то обстоятельство, что связь писателя с религиозной святыней своего народа осуществляется на уровне генетической культурной памяти и проявляется не только в том, что он изображает в произведении, но и в том, как он видит мир. Иначе говоря, эта связь не может не просматриваться в особенностях поэтики русской классической литературы, национального облика которой в значительной мере сформировался под тысячелетним воздействием православно-христианских ценностей.

«Область поэзии бесконечна, как жизнь, — писал Лев Толстой, — но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, и смешение низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства» (18, 731).

Обратим внимание на слово «предвечный», употреблённое Толстым. Оно означает, что в сознании русского писателя иерархия ценностей не людьми придумана, не художником изобретена. Не человек в этом мире является «мерой всех вещей»: эта мера объективна и существует независимо от наших субъективных желаний и пристрастий. Она явлена нам свыше, как солнце, как небо, как звёзды, её можно почувствовать в гармонии национального пейзажа, где всё соразмерно, организовано, приложено друг к другу, её можно ощутить в музыке родного языка.

Русским писателям XIX века была органически чужда западноевропейская теория «самовыражения», согласно которой художник является полноправным и безраздельным творцом создаваемого им самим художественного мира. Пушкин настаивал на другом, на прозрении

У.Курамшин (р. 1965). Портрет А.С.Пушкина

скрытого «лада», на постижении «высшего порядка вещей в окружающем мире». В стихотворении «Поэт» Пушкин отрекается от авторской гордыни, он говорит, что в повседневной жизни поэт не отличается от всех смертных и грешных людей: он малодушно предаётся «заботам суетного света», душа его порою «вкушает холодный сон» и «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Всех удивляло в Пушкине, как впоследствии в Тургеневе и других русских писателях, отсутствие тщеславия и самомнения. Русский писатель не кичился своим талантом, ибо видел в нём не личное достоинство, а Божий дар, данный ему свыше. По отношению к этому дару он, как всякий смертный человек, испытывал высокое, почти религиозное благоговение. Свою одарённость русский писатель никогда не считал сугубо личной заслугой.

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,

Душа поэта вострепётся,
Как пробудившийся орёл (3, 22).

«Самостояние» поэта лишено у Пушкина горделивого самообожествления. В формуле суверенности поэта заключена мысль о том, что поэт служит Богу, а не себе и не людским прихотям. Вдохновение созерцательно и бескорыстно лишь тогда, когда к нему не примешивается мысль о славе, когда его не обременяет никакая корыстная практическая цель, когда поэт не думает о том, как воспримут его читатели, и не старается подыгрывать их вкусам, их желаниям. Отсюда — пушкинское: «Поэт, не дорожи любовью народной», отсюда же — хрестоматийные строки пушкинского «Памятника»:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца (3, 373).

Отсюда — характерная, православная по своей сути, «стыдливость художественной формы», свойственная фактически всем нашим писателям-классикам и составляющая родовую черту нашего художественного сознания. На эту особенность русской поэзии чаще всего обращали внимание французы. И.С.Тургенев в речи по поводу открытия памятника Пушкину вспоминал: «Ваша поэзия, — сказал нам однажды Мериме, — ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске... У Пушкина, — прибавлял он, — поэзия чудесным образом расцветает как сама собою из самой трезвой прозы»¹¹.

Ни русский роман, ни русская драма, ни русская лирика не укладываются в те чёткие отточенные художественные формы, какие предлагают им западноевропейский реализм. «Что такое “Война и мир”? — спрашивал Л.Н.Толстой и отвечал на этот вопрос так: Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянно, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не даёт даже ни одного примера противного» (7, 356).

Для русской эстетики характерна незавершённость жанровых форм, даже принципиальная их незавершаемость. Так русский писатель обозначает потенциальные возможности жизни к движению, к переменам. Завершённый человек у Толстого — самодоволен и ограничен. Красота личности неотделима у него от способности этой личности духовно расти и совершенствоваться. Завершённая форма — свидетельство исчерпанности жизненных сил, а в пределах земного, природного круга это неправда, скрывающая эгоистическое стремление художника вступить в состояние с Тем, Кто наделил его творческим даром.

Демонстративно отталкиваясь от искусства французской классической драмы, А.Н.Островский говорил, что «интрига есть ложь». Е.Г.Холодов, кропотливо исследуя мастерство Островского, доказал, что начало в его пьесах стремится быть похожим на продолжение: драматург достигает иллюзии врасплох застигнутой жизни. Потом у него тянется замедленная и развёрнутая экспозиция с привлечением героев, не имеющих прямого отношения к основному событию. Завязка в драмах Островского какая-то неуверенная, напоминающая скорее «возможность завязки» и как бы оставляющая жизни шанс на иной, неожиданный и непредвиденный ход. В кульминацию не втягиваются все наличные жизненные силы, словно хранящиеся в резерве и ещё ждущие своего часа. Поэтому и завязки у Островского не имеют претензии на окончательный итог. Они могут быть названы завязками лишь условно, так как не распуывают до конца ос-

новной узел жизненных противоречий и конфликтов¹². Островский питает доверие к повседневному ходу жизни, смягчающему самые острые конфликты, и зритель чувствует, что творческие возможности жизни неисчерпаемы, итоги, к которым привели события, относительны, движение жизни не завершено и не остановлено. В самом совершенстве художественной формы ему видится ложь, претензия писателя завершить незавершаемое, закруглить незакругляющееся. На пути движения к Совершенству всякие итоги условны, всякие концы лишь вехи.

4

В связи с этим эстетический крен в изучении отечественной литературы не свободен от некоторой односторонности. Ведь русский писатель не мыслил красоты в отрыве от добра и правды. Более того, правду и добро он ставил всегда на первое место, не будучи слишком озабочен «чистой» красотой. При изучении русской литературы нельзя отделять красоту от правды, а правду от добра. Эстетический уклон не отвечает самой сути нашего искусства слова, его целостной триединой природе. Очень важно нам сейчас, когда общество наше утратило нравственные ориентиры и спутало безобразие с красотой, зло с добром, прояснить в сознании учащихся немеркнувшие и вечные духовно-нравственные идеалы родной литературы.

Иногда говорят, что идеалы русской классики слишком далеки от современности и недоступны нашим ученикам. Это ложь. Идеалы её, православно-христианские в своём существе, соприродны человеку. Не случайно один из Отцов нашей Церкви сказал, что душа человека по природе христианка. Да и Христос сказал, что «Царство Божие внутри вас есть». Идеалы эти не могут быть недоступными для школьника, но они для него трудны.

Классика — и это надо донести до сознания наших учащихся — не развлечение. К ней неприменимы расхожие читательские оценки: «нравится — не нравится». Приобщение к высокой литературе — не забава, а напряжённый труд. Если тебе не нравится, например, Некрасов, значит, ты ещё духовно не дорос до него. Сделай усилие, надломлю свой эгоизм, свою самоудовлетворённость и самоуспокоенность. Классика никогда ведь не льстит нашему самолюбию, не потакает порокам и слабостям человеческого. Она зовёт человека вперёд, она его тревожит, раздражает, делая явными тайные грехи и несовершенства.

Любовь к великой литературе нужно заслужить через духовный и трудный путь приобщения к тем ценностям и святыням, которые в ней заключены и которые она утверждает. Эти ценности никак не зависят от наших мнений о них и от нашего к ним отношения. Они абсолютны, как земля, небо и солнце. Н.Н.Страхов писал: «В таких великих произведениях, как “Война и мир”, всего яснее открывается истинная сущность и важность искусства. Поэтому “Война и мир” есть также превосходный пробный камень всякого критического и эстетического понимания,

а вместе и жестокий камень преткновения для всякой глупости и всякого нахальства. Кажется, легко понять, что не “Войну и мир” будут ценить по вашим словам и мнениям, а вас будут судить по тому, что вы скажете о “Войне и мире”»¹³.

И тот же Н.Н.Страхов в письме к Толстому от 31 марта 1882 года произнёс слова, которые могут быть прямо адресованы и нам, и всему европейскому человечеству XXI века: «Начиная с Реформации и раньше и до последнего времени всё, что люди делают (как Вы говорите) — не вздор, а постепенное разрушение некоторых положительных форм, сложившихся в Средние века. Четыре столетия идёт это расшатывание и должно кончиться полным падением. В эти четыре века положительного ничего не явилось, да и теперь нет нигде в целой Европе. Самое новое — в Америке и состоит в том, что голоса продаются, места покупаются и т. п. Общество держится старыми элементами, остатками веры, патриотизма, нравственности, мало-помалу теряющими свои основания. Но так как эти начала были воспитаны христианством до неслыханной силы, то человечество неизгладимо носит их в себе, и их ещё долго хватит для его подержания. Но живёт оно не ими, а против них или помимо их»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н.Страховым. — СПб., 1913. — С. 355.
- 2 ТОЛСТОЙ Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. — М., 1980. — Т. 6. — С. 264. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 3 Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н.Страховым. — С. 69.
- 4 ТОЛСТАЯ С.А. Дневники. — М., 1978. — Т. 1. — С. 159.
- 5 Вопросы философии и психологии. Книга IV (79). — 1905. — Сентябрь — октябрь. — С. 241—242.
- 6 ГОГОЛЬ Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Сочинения Н.В.Гоголя. Издание пятнадцатое // Под ред. Н.С.Тихонравова. — СПб., 1900. — Т. 7. — С. 55.
- 7 ГОНЧАРОВ И.А. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1955. — Т. 8. — С. 157.
- 8 Преподобный Серафим Саровский и его духовные наставления. Электронный ресурс. Режим доступа: serafim-sarovskij-nastavlenija.html&d=1. Дата обращения: 01.07.2019.
- 9 ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. 6. — С. 455—456. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 10 ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.; Л., 1984. — Т. 27 — С. 19.
- 11 ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. — М.; Л., 1968. — Т. 15. — С. 70.
- 12 См.: ХОЛОДОВ Е.Г. Мастерство Островского. — М., 1967.
- 13 СТРАХОВ Н. Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862—1885). — СПб., 1895. — С. 392.
- 14 Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н.Страховым. — С. 292.